

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Идея университета: вызовы современной эпохи

29 февраля 2012 г. в Московском государственном университете печати имени Ивана Федорова состоялось расширенное заседание редколлегии журнала «Высшее образование в России», посвященное 20-летию юбилею издания. Главным событием дня стал круглый стол на тему «Идея университета и вызовы современной эпохи» с участием профессоров высшей школы России – известных специалистов в области образовательной политики. Обсуждались следующие темы:

- Современный университет как объект междисциплинарного дискурса.
- Оценка деятельности преподавателя и измерение эффективности научно-педагогической работы.
- Университетская наука и подготовка научно-педагогических кадров.
- Научный журнал в образовательном поле.

Участники дискуссии: *Антипов Константин Валерьевич* – д. экон. н., ректор (Московский государственный университет печати); *Андреев Александр Александрович* – д. пед. н. (Московский финансово-промышленный университет «Синергия»); *Андреев Андрей Леонидович* – д. филос. н., зав. кафедрой (Всероссийский государственный университет кинематографии); *Балтян Валерий Кононович* – исполнительный директор Ассоциации технических университетов; *Белогуров Анатолий Юльевич* – д. пед. н. (Федеральный институт развития образования); *Болотин Иван Сергеевич* – д. филос. н. (РГТУ им. К.Э. Циолковского); *Бубнов Юрий Павлович* – директор Фонда рыночных исследований; *Вербицкий Андрей Александрович* – д. пед. н., чл.-корр. РАО (МГГУ им. М.А. Шолохова); *Долженко Олег Владимирович* – д. филос. н. (Московский гуманитарный университет); *Донских Олег Альбертович* – д. филос. н., зав. кафедрой (Новосибирский государственный университет экономики и управления); *Есенькин Борис Семенович* – д. экон. н., президент НП «Гильдия книжников»; *Жураковский Василий Максимилианович* – д. пед. н., академик РАО (Национальный фонд подготовки кадров); *Задорожнюк Иван Евдокимович* – д. филос. н. (журнал «Социология образования»); *Зборовский Гарольд Ефимович* – д. филос. н., декан (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург); *Зернов*

Владимир Алексеевич – д. техн. н., ректор (Российский новый университет); *Иванов Василий Григорьевич* – д. пед. н., проректор (Казанский национальный исследовательский технологический университет); *Ивахненко Евгений Николаевич* – д. филос. н., зав. кафедрой (Российский государственный гуманитарный университет); *Кирабаев Нур Серикович* – д. филос. н., проректор (Российский университет дружбы народов); *Кузнецова Наталия Ивановна* – д. филос. н. (Российский государственный гуманитарный университет); *Лукашенко Марианна Анатольевна* – д. экон. н. (Московский финансово-промышленный университет «Синергия»); *Мануильский Максим Анатольевич* – зам. главного редактора (журнал «Человек»); *Мафиноян Хачатур Эмильевич* – шеф-редактор (журнал «Философские науки»); *Медведев Валентин Ефимович* – зав. кафедрой (МГТУ им. Н.Э. Баумана); *Ненашев Михаил Федорович* – профессор (Московский государственный университет печати); *Никольский Владимир Святославович* – д. филос. н., зав. кафедрой (Московский государственный индустриальный университет); *Новиков Александр Михайлович* – академик РАО; *Порус Владимир Натанович* – д. филос. н., зав. кафедрой (НИУ ВШЭ); *Пружинин Борис Исаевич* – гл. редактор (журнал «Вопросы философии»); *Сазонова Зоя Сергеевна* – д. пед. н. (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет); *Сапунов Михаил Борисович* – гл. редактор (журнал «Высшее образование в России»); *Сенашенко Василий Савельевич* – д. физ.-мат. н. (Российский университет дружбы народов); *Силласте Галина Георгиевна* – д. филос. н. (Финансовый университет при Правительстве РФ); *Шеремет Александр Николаевич* – проректор (Московский государственный университет печати); *Шестак Валерий Петрович* – д. техн. н. (Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»); *Щедрина Татьяна Геннадиевна* – д. филос. н. (Московский педагогический государственный университет); *Шитетина Александра Гановна* – вице-президент Российского книжного союза; *Шолохов Андрей Борисович* – гл. редактор (газета «Вузовский вестник»).

Ведущие круглого стола: Сапунов Михаил Борисович и Кузнецова Наталия Ивановна.

Вниманию читателей предлагается стенограмма выступлений участников (начало см.: Высшее образование в России. 2012. № 7).

Н.И. Кузнецова: Открываем вторую часть нашего заседания. Тема не менее важная и интересная – университетская наука и подготовка научно-педагогических кадров. Слово для основного доклада, для постановки проблемы и обмена опытом предоставляем **Татьяне Геннадиевне Щедринной**.

Т.Г. Щедрина: Сразу хочу сказать, что с образовательной сферой я знакома с самого детства, потому что выросла в семье педагога,

заслуженного учителя Российской Федерации, историка по образованию. В нашей

семье самой главной ценностью всегда были знания – знания как ценность, к которой можно стремиться и ради которой стоит жить. Стремление к знаниям рассматривалось как нравственный идеал, как свобода. Когда я сегодня вхожу в аудиторию, то иду именно с этой экзистенциальной установкой. Каждый из нас, современных преподавателей и учителей, когда он входит в аудиторию, должен это ощущать, иначе в вузах нам просто нечего делать. У меня 25 лет педагогического опыта, из них почти 20 лет в высшей школе. Хочу сказать, что за все эти годы я не находилась в более трудной ситуации, чем сложившаяся сегодня. Это ситуация противостояния исследователя и системы. Мы все с вами знаем, что, как правило, большинство наших начинаний происходят не благодаря, а вопреки системе. Бюрократы в образовании и науке, растерявшись и ослабев в «лихие девяностые», сегодня словно решили взять реванш. Делается это ими весьма успешно, и не без нашего молчаливого согласия.

Прежде всего хочу сказать, что для того чтобы заниматься научной деятельностью, мне пришлось уйти в университете на 0,25 ставки, потому что, имея 900 часов преподавательской нагрузки, невозможно выполнять научную работу по-настоящему. Причем ситуация эта перерастает в тенденцию. Так поступают многие мои коллеги, которые ведут научные исследования. В данном случае я говорю о фундаментальных исследованиях в гуманитарной сфере. По первому образованию я историк, работающий в архивах. Для того чтобы заниматься научной работой, в нее нужно погружаться, в нее надо втягивать студентов и аспирантов, и с ними нужно постоянно быть в контакте.

А чем мы занимаемся сегодня? Мы постоянно пишем и просчитываем планы, программы, тесты, «решешники» (и это в гуманитарной сфере!), прописываем никому не нужные, фактически «липовые» компетенции вместо «старых» ЗУНов, изобретаем технологии в образовании и т.п. Как будто

от смены «слов» изменится содержание преподавания... Знание как содержание образования – это невидимый фундамент, который постепенно выхолащивается из учебных программ, заменяется «технологиями», тестами, ЕГЭ. Образовательный процесс как процесс добывания знания, как точка пересечения науки и образования зачастую развертывается за стенами университета. Настоящая наука, особенно гуманитарная, сегодня постепенно вытесняется на периферию университетского образования, несмотря на уверения чиновников в том, что именно университет должен стать центром научных исследований. Что касается Идеи университета, то, пожалуй, я действительно работаю в университете, но не институциональном. Я работаю в неформальном университете – «невидимом колледже», объединяющем заинтересованных людей, которые переживают образование и знание как ценность. Это люди, которые занимаются настоящими архивными исследованиями, устраивают семинары на дому, тратят свои деньги на копирование, на поездки в разные архивы, на то, чтобы общаться друг с другом через Интернет и т.д.

Как историк отечественной философии могу сказать, что точно такая же ситуация в культуре была в 1920-е годы. Для примера расскажу о театре Семперантэ. Работая в архиве Шпета, я нашла письмо руководителя этого театра, известного в те годы актера Анатолия Быкова, который писал Шпету о том, как театр был уничтожен чиновниками. Каждый новый спектакль Семперантэ строился на импровизации, актерам была предоставлена свобода действий. Однажды к ним пришли люди из Управления московскими зрелищными предприятиями – менеджеры, по-современному. Эти люди проанализировали все спектакли за предыдущий год, посчитали, какие спектакли были самыми успешными в экономическом плане и заявили, что с текущего года в репертуар театра будут входить только окупаемые, коммерчески выгодные спектакли. Приведу строки из пись-

ма А. Быкова (архив Шпета, читаю его публично впервые):

«...Наступила страдная пора жуткой, почти невероятной работы. Каждые две недели мы выпускали новую постановку, не уступая любому провинциальному театру. Мы восстановили по заданию Дирекции восемь старых пьес, о которых не имел ни малейшего представления Коллектив, тщательно и с большим трудом подобранный нами заново к новому ответственному сезону и уже подготовлявшийся нами к новым пьесам нового репертуара, согласно Производственному Плану. Указанные восемь пьес работали в двойном составе для параллельной работы в районах. Средства на постановки отпускались в анекдотических размерах: на постановку “Карусели” было отпущено 50 руб. ... Дни уходили на репетиции, вечера на двойные спектакли, ночи – на технические работы по оформлению постановок.

Трудно перечислить все те несурзности, которые творились в театре. Не только угасала всякая творческая мысль, не только парализовалась всякая возможность какого-то движения театра – застывали «роли», блекли старые образы, спектакли превращались в скучнейшие выбалтывания надоевших и приевшихся слов. Я писал раздирающие письма Маркичеву, Коллектив сражался на Производственных Совещаниях. – Ничто не помогало... 1 мая театр был ликвидирован как не оправдавший возложенных на него идеологических и художественных задач».

Итак, сама идея импровизации была загублена на корню, и театр фактически перестал существовать. Аналогичная ситуация происходила в то время и с научными институтами. Примером тому может служить разгром Государственной академии художественных наук (сегодня эту институцию тщательно исследуют как российские, так и зарубежные ученые). Опыт ГАХН – уникальный, потому что эта организация строилась по принципу синтеза естественных и гуманитарных наук, академи-

ческих структур и университетского образования, исследовательских и просветительских проектов. Мы имеем этот уникальный опыт в архивах, но владеем ли? К сожалению, у нас очень короткая историческая память. Мы не идем в архив и не исследуем свой собственный исторический опыт, чтобы понять сегодняшнюю ситуацию и как мы в ней оказались, мы желаем строить идеологические конструкции, работать на рейтинги, видеть «новизну» там, где ее нет и в помине. Я как историк чувствую ответственность за ту память, которую «раскапываю» в архивах, потому что часто документы рассыпаются в прах прямо у меня в руках. И хочу сказать, что в современных условиях, сложившихся в образовании, это делать очень и очень сложно.

Здесь говорилось о том, что нужно работать на результат, на прикладные исследования, на нужды современного производства. Но, скажите, какая прикладная составляющая в гуманитарной науке? Какие прикладные исследования могли бы существовать в исторической науке или в литературоведении, в искусствоведении или в философии? Я могу с уверенностью сказать, что никаких «прикладных» результатов, кроме откровенно «идеологических», мы не получим. Если современный гуманитарий

попробует ответить на вопрос о практической значимости своих исследований, он укажет на учебную составляющую или на то, что его результаты будут способствовать приращению нового знания, т.е. выйдут на уровень обоснования фундаментальности своего исследования. Фактически можно констатировать, что в гуманитарных науках исследовать либо принципиально фундаментальны, либо «идеологичны». Здесь я хочу оговориться. Мы все понимаем, что «идеология» – такой же реальный феномен, как и наука, религия, знание. И абсолютизировать ее негативный характер не всегда продуктивно. Я думаю, если гуманитарий по тем или иным причинам все-таки попадает в сферу идеологическую (как, например, современные политологи), его задачей становится сохранить в «идеологических» конструкциях методологическую трезвость, характерную для фундаментальных исследований.

Современные исторические, архивные, библиографические и все остальные, казалось бы, служебные дисциплины должны быть приравнены по своему способу работы к исследованиям «нано-уровня», потому что именно они имеют дело с «атомами» и «молекулами» гуманитарного знания. Историки-архивисты и библиографы владеют такой информацией, которая может за один миг перевернуть все наши представления об исторических событиях. Их невидимые «нано-исследования» фактически управляют гуманитарной наукой и позволяют ей быть наукой, не скатываясь к идеологии. Они стоят на страже объективности концептуальных интерпретаций, и благодаря людям, которые каждый день кропотливо перебирают документ за документом или составляют библиографические списки, совершается 90% открытий в гуманитарной сфере. Эта работа фундаментальная, она дает очень отсроченный результат, который требует от исследователя больших затрат и длительного «пифагорейского» молчания.

К примеру, 10 лет назад Марина Густа-

вовна (дочь философа) показала мне фотографии Шпета с его друзьями (из личного архива); друзей я не смогла распознать. В течение многих лет эти фотографии (их контекст: время и место) держались на заднем плане моих изысканий. Однако хочу подчеркнуть, что настоящий исследователь должен быть всегда готов к встрече с неизвестным. Наконец, совсем недавно мне повезло. Занимаясь перекрестными исследованиями, я попала в архив Алексея Борового, и тогда стало ясно, что один из друзей Шпета на той самой фотографии – Боровой. В своих воспоминаниях он описывает годы дружбы со Шпетом и тех, кто постоянно с ними общался. Когда я проверила фотографии, следуя этим воспоминаниям, мне удалось идентифицировать всех людей. Это случилось спустя 10 лет.

Современная ставка чиновников на рейтинг, на быстрые результаты – да что там говорить! – на ежемесячные отчеты о научной работе не способствуют воспитанию ценности фундаментальных исследований на «нано-уровне». Именно поэтому сегодня 90% диссертаций в гуманитарной науке – это слепленные компиляции, нацеленные на сиюминутный «результат», рекламу, отчет для галочки. Ну кто сейчас будет по шесть часов в день сидеть в архиве (и не в одном!), для того чтобы через 10 лет распознать тех, кто находится на фотографии? Получается, что это нерентабельно и это не нужно для идеи университета как бизнес-услуги. Но если мы хотим, чтобы наши университеты поднимались в рейтинге в гуманитарной сфере, то мы должны продвигать свою гуманитарную науку и методологическую рефлексию собственных гуманитарных исследований. Как можно в таких условиях увлечь современного студента работой на отсроченный результат?

Как это можно воспитывать? Только собственной увлеченностью. Потому что иного пути в создавшемся положении в гуманитарных исследованиях я не вижу. Так я воспитываю свою дочь, которая учится на третьем курсе философского факульте-

та, ее друзей. Я могу это делать только личным примером, и никаких иных вариантов противостояния этой системе я не вижу. И если каждый из нас не будет нести ценность знания как экзистенциальную установку, мы потеряем гуманитарную науку именно как фундаментальную, а не как прикладную. Прикладная установка для современных гуманитариев может обернуться новыми «факультетами общественных наук». А потом, если надо, мы обоснуем перестройку, а потом, если надо, мы еще что-нибудь обоснуем, потому что вся гуманитарная наука – это наука о Слове и о способах обоснования. И если мы с вами работаем в этой сфере, то должны очень ответственно относиться и к своему дискурсу, и к тем исследованиям, которые осуществляем.

Например, у меня был зарубежный грант. Я девять месяцев работала в архивах Франции. Французское правительство дает гранты прежде всего для того, чтобы наши молодые исследователи инкорпорировались в их научную среду, чтобы мы цитировали их ученых. Давая нам гранты, они оплачивают исследования, посвященные их истории, их философии, их литературе и т.д. А в это время наши архивы, наша история не исследуются... Я, конечно, понимаю, что говорю об узкой области архивных исследований. Однако если у нас есть свой культурный интеллектуальный опыт, то мы должны осмысливать именно его, а не чужой (об этом говорили многие русские философы начала XX века), но мы как будто оглохли – и сердцем, и разумом.

И последнее, что я хочу сказать. Мы часто говорим о междисциплинарных объединениях, о междисциплинарности как новом способе исследования в науке. Как

это совмещается с конкурентоспособностью вузов, когда собирается междисциплинарный коллектив? Например, творчеством Шпета занимаются в ИНИОНе, в Институте философии РАН, в МПГУ. Мы вместе делаем коллективную монографию. Какой гриф мы поставим? Мы же не можем поставить три грифа одновременно. И каждый будет тянуть на себя, не потому, что он так хочет, а потому, что все боятся отказать своим организациям. Вот и получается, что междисциплинарные объединения тоже могут существовать только вопреки нашей чиновничьей системе... Научные идеи, в которых мы живем, не стыкуются с современным образованием как системой. И выживать настоящим исследователям очень трудно. Я выживаю только на энтузиазме и на том, что я несу ответственность как гражданин своей страны за ту историю, которую на моих глазах просто разбазаривают. То, что происходит, например, в ИНИОНовских запасниках с газетами, – это просто слезы. Вот мы говорили сегодня: «Сколько дали образованию денег на переустройство!» А на деле у нас ни одна гуманитарная библиотека не содержит достаточного количества старых журналов в нормальном состоянии (изрезаны, вырваны страницы, залиты жидкостями и т.д.). Библиотека ИМЛИ уже 10 лет находится в заштабелированном состоянии прямо в зале ИНИОН. Как быть, когда ты работаешь со старыми периодическими изданиями? Сегодня все чаще говорят, что

нужно уничтожить весь старый фонд и заниматься исследованиями только электронных книг. Да никакая история невозможна с теми электронными книгами и журналами, которые существуют сейчас!

Конечно, проблем у нас много, и я могла бы еще говорить, но получился бы просто плач Ярославны. Однако хочу закончить не личными слезами. Когда мы сегодня говорим, что входим в общество знания, то именно здесь должна работать идея университета, который генерирует это знание как высшую культурную ценность. Если мы этот принцип не будем ставить в основание преподавания и не будем делать знание своим идеалом, то, я считаю, мы потеряем нашу страну как феномен исторический.

Н.И. Кузнецова: Один школьный учитель сказал: «Спротивляйтесь, господа, сопротивляйтесь».

Т.Г. Щедрина: Да, выход только один – индивидуальное сопротивление.

Н.И. Кузнецова: Пожалуйста, *Андрей Александрович Вербицкий*, член-корреспондент РАО, представитель Московского государственного гуманитарного университета.

А.А. Вербицкий: Коллеги, недавно я читал лекцию для профессоров медицинского вуза и спросил, у кого есть педагогическое образование. Оказалось, ни у кого. Я задал следующий вопрос: может ли человек с высшим, но не профильным медицинским образованием заниматься врачеванием? Ответ был закономерен: конечно, нет! Почему тогда могут заниматься преподаванием профессор медицины, инженер, экономист, которые никаких педагогических «академиев» не заканчивали? И это одна из проблем, которую мы сейчас обсуждаем. Реализация компетентного подхода, другие направления модернизации образования – все это лежит на плечах преподавателей, многие из которых прекрасные специалисты в своем

деле, мастера-педагоги (как это ни кажется странным – ведь без профильного образования!). Теперь они должны выполнять и функцию проектирования принципиально нового типа обучения – компетентностного формата.

Допустим, каменщик кладет кирпичи для здания, которое спроектировал архитектор. Но в процессе укладывания кирпичей он должен модернизировать это здание до нового архитектурного решения. Задача не для слабонервных. По существу, именно в такую позицию поставлен сегодня каждый преподаватель. Без серьезного повышения квалификации в сфере проектирования образования здесь не обойтись. Между тем государство оплачивает только 72 часа дополнительного образования, причем без отрыва от преподавательской работы...

Давайте посмотрим на ситуацию в российском образовании с некоей системной точки зрения. 20 лет оно находится в стадии непрерывного реформирования «сверху», последние лет десять – главным образом по лекалам Болонского процесса и экономистов из Высшей школы экономики. В стране законодательно введена система образования, кардинально отличающаяся от той, что существовала до развала Советского Союза. Парадокс, однако, в том, что, будучи иной по своему, так сказать, внешнему контуру, образовательная система пока остается принципиально той же самой по внутреннему, собственно педагогическому обустройству – по своей организационной структуре, формам деятельности преподавателей и студентов, педагогическим технологиям, типу образовательной среды и, самое главное, – по сознанию субъектов образовательного процесса, прежде всего преподавателей.

Это неудивительно, поскольку решения об основных направлениях реформирования образования принимались без участия педагогической общественности и опоры на какую-либо педагогическую (психолого-педагогическую) теорию. Поэтому реали-

зация направлений реформы идет чисто эмпирически, преподаватель вуза находится в сказочной позиции «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». При этом лавинообразно возрос и продолжает расти объем всякого рода документов, необходимых лишь для предъявления комиссиям из Минобрнауки и «сжирающих» массу времени у работников. Ясно, что никакого отношения к повышению качества образования этот труд, к тому же бесплатный, не имеет. Подсчитывали ли экономисты, сколько интеллектуальных, да и физических сил страна в лице преподавательского состава вузов тратит на эти бумаги? Лучше бы преподавательский корпус тратил усилия и время на повышение своего педагогического мастерства.

Далее. Реформа образования делается несистемно. Так, ЕГЭ законодательно ввели до компетентностного подхода. Последний уже декретирован в начальной школе, скоро его введут в основной и старшей школе. Вузы на всех парах двигаются в том же направлении. Однако ЕГЭ не может служить мостиком естественного перехода от компетентностной парадигмы школы к компетентностной парадигме вуза, поскольку посредством такого экзамена какие-либо компетенции измеряться и оцениваться не могут. ЕГЭ настроен только на фиксацию чего-то запомненного из содержания обучения в школе. Очень скоро этот парадокс даст о себе знать. Что тогда придется делать? Отменять компетентностный подход либо ЕГЭ.

По отношению к преподавателю наши мудрецы под патронажем Мирового банка разработали концепцию развития образования до 2020 года. Ждать осталось совсем немного. Цитирую: «Традиционный преподаватель, монополист в передаче и интерпретации необходимых знаний, уходит со сцены». Коллеги, через восемь лет нас всех выгонят! Далее: «Предстоит снижение доли герметичных учебных заведений, преподаватели которых больше нигде не работают. Среди преподавателей растёт доля совмес-

тителей из других сфер деятельности: наука, бизнес, общественные организации, госуправление». Не знаю, принята ли эта концепция. Два года назад ее обсуждали в Думе. Но то, что здесь пишется, – полная дичь!

Вот я заведу кафедрой, и мы каждый год отчитываемся о проведении НИР преподавателями. И это очень важный показатель работы кафедры. Но это приходится делать без копейки денег! А если кто-то получил финансирование по исследовательской программе, то тут тоже странности. Скажем, решение о гранте принято Минобрнауки 19 ноября, а 8 декабря нужно уже сдать годовой отчет объемом 300 страниц, с внедрением и с отражением результатов исследования в ВАКовских журналах. Как в этих условиях планировать и проводить исследование? К тому же создается впечатление, что в Министерстве научные отчеты никто не читает и не собирается внедрять.

32 года назад я был в США в качестве стажера ЮНЕСКО. Спрашивал проректора Колумбийского университета, как профессура работает над повышением качества образования (у нас это занимает вторую

половину нагрузки). Он ответил, что каждый год всем преподавателям объявляют, что они могут подавать заявки на исследования в сфере образования. Профессура не очень любит заниматься такими исследованиями, они предпочитают зарабатывать деньгами, они предпочитают выполнять заказы промышленными предприятиями, фирмами и т.п. Но некоторые получают небольшой грант на год, по истечении которого предъявляют свои результаты, которые оцениваются независимой комиссией.

Известно, что в США есть профессиональные сообщества – инженерное, психологическое, педагогическое, экономическое и т.п. Его члены зарплаты не получают, поэтому независимы от государства. Комиссия оценивает, насколько хороша представленная разработка, и если она перспективна, их автор получает достаточно серьезное финансирование года на два–три. Он может не преподавать, а заниматься этим самым исследованием. По окончании срока проекта независимая комиссия опять оценивает результаты. Если они перспективны, эту разработку поднимают на федеральный уровень с многомиллионным финансированием.

Приведу пример, который, вероятно, многие знают. Вот уже 32 года вместе с коллегами я развиваю контекстный подход в образовании. Однако ни один министерский руководитель, – а многих я знал лично и общался с ними, – не заинтересовался этим подходом и не сказал: «А давайте попробуем реализовать это в каком-нибудь экспериментальном вузе». Между тем в США идея контекстного обучения, которую они озвучили через 10 лет после того, как это было сделано мной еще во времена СССР (возможно, эта идея витала в воздухе, а может быть, ее элементарно списали у нас), в 2002 г. была профинансирована в рамках федеральной программы ценой в 700 млн. долларов. Что будет у нас через 15 лет? Какой-нибудь очень крупный чиновник из Минобрнауки поедет в Америку и, вернувшись в Россию,

скажет: «Ребята, там у них продвинутый контекстный подход, нужно бы и нам его внедрить».

Поэтому прогноз у меня такой: если реформа образования не будет опираться на внятную психолого-педагогическую теорию, скажем, на теорию контекстного обучения, она будет обречена на неуспех.

Н.И. Кузнецова: Сейчас я хочу предоставить слово нашему коллеге из Новосибирска *Донских Олегу Альбертовичу* – доктору философских наук, главному редактору очень симпатичного гуманитарного журнала «Идеи и идеалы». Меня очень тронуло, что его учредили два негуманитарных вуза.

О.А. Донских: То, что я хочу сказать, постоянно находит свое отражение на страницах журнала «Высшее образование в России». И это не пустой комплимент. Здесь действительно обсуждаются реальные проблемы нашего образования, и это лучше всего говорит об уровне и качестве журнала, о гражданской позиции тех, кто его выпускает.

В свое время вышла книга Евгения Васильевича Семенова по поводу производства показателей. В самом деле, то, что мы сейчас делаем, – это производство голых показателей. Все вузы вынуждены были на это перейти, при этом абсолютно исчезло существо дела. Мы должны соответствовать каким-то рейтингам, будь то индекс Хирша или что-то еще. Публикации должны быть только в определенных журналах, монографии при этом не принимаются в расчет. Программы должны быть представлены в каких-то диких табличных формах, очень трудоемких для заполнения, с указанием на формирование часто нелепых по сути, но жестко требуемых компетенций... Однозначная ориентация на спущенные сверху показатели абсолютно трансформирует систему; это могут быть компетенции, это может быть что угодно, но отчеты идут по ним, а не по сути дела. Потому что оце-

нить, как вуз работает, вообще-то несложно. А когда начинают «копать» показатели, появляется возможность соревноваться и прочая, и прочая. Поскольку эти показатели постоянно меняются, я постоянно пребываю в состоянии мальчика для битья, потому что все время чему-то не соответствую. То у меня защищается мало аспирантов, то еще что-то, пятое, десятое. Полагаю, что это не та позиция, в которой должен находиться профессор.

Теперь по поводу менеджмента и администрирования, если они ориентируются только на деньги. Я работал в Австралии несколько лет. Там в одном из ведущих вузов Австралии, достаточно крупном, международного класса, придумали такую вещь: каждая кафедра (Department) арендует у университета аудиторию. Соответственно, ей дают определенные деньги на эту аренду, а заведующий этой кафедрой должен каждый раз писать бумаги. Если он, не дай бог, запланировал дополнительные занятия, то он должен писать дополнительную бумагу и ждать, чтобы ему ответили, и т.д. и т.п. Руководитель этого департамента по этому поводу уволился, сказав, что он этим заниматься не хочет. Это к вопросу о том, кто, куда и как трансформируется. В разговоре с ним я ему сказал, что если университет превратят в корпорацию, то университет исчезнет. Мы с ним поспорили, и через три года он признал, что я был прав. Потому что у корпорации в принципе другие задачи.

Так что со многими выступающими я абсолютно согласен. Но дело в том, что проводимые у нас реформы не то чтобы просто непродуманны – они чудовищны! Да и реформ-то нет, с моей точки зрения. То, что делается, – это какие-то проекты, которые случайно откуда-то взяты. Говорят, что наши реформы такие же, как на Западе. Но там есть разные системы образования, нет никакой усредненности. А в нашу систему все это забивается отдельными, абсолютно разнонаправленными проектами. К примеру, бакалавриат. Четыре года

назад на конференции выступал австрийский профессор, руководитель коллектива, который 14 лет исследовал бакалавриат. Он меня откровенно спрашивал: «Зачем вам это надо? По нашим исследованиям, выпускаемые бакалавры – это дешевая рабочая сила, которая после 40 лет не имеет перспектив на рынке труда». Я ему ничего не мог ответить, потому что тоже не понимаю, зачем нам бакалавриат.

Хотелось бы остановиться еще на двух моментах. Прежде всего, по поводу того, что предлагается. К примеру, общекультурные компетенции. Сколько их должно быть? По нормальной логике они должны совпадать у всех – на то они и общекультурные. Но почему в принятых стандартах они все разные – и по количеству, и по формулировкам? Это по поводу качества того, что спускается вниз. У профессионалов я спрашивал относительно профессиональных компетенций. И здесь то же самое, т.е. настолько некомпетентно сделано, что об этом даже говорить смешно. А ведь под это пишется огромное количество всяческих методических пособий. На своей кафедре мы должны написать 28 разных методичек по философии, потому что философию я должен преподавать по-разному у разных спе-

циальностей! Плюс к тому я должен брать литературу только за последние пять лет. Но Платон ничего за последние пять лет не написал, что мне с ним делать? Я боюсь, что и Деррида за последние годы ничего не напишет. И Шпет, которым Татьяна Геннадиевна занимается, тоже ничего не напишет. И еще одно требование, которое показывает отсутствие всякого опыта преподавания у тех, кто эти бумажки сочиняет. Так вот, я должен каждый год менять курсы! Сколько нужно лет, чтобы отработать один курс? За год этого не сделать в принципе даже самому лучшему преподавателю.

И последнее, что я хочу сказать. Я понимаю замечание насчет того, что лечить должны специалисты по медицине, а у нас должны быть специалисты в преподавании. Но у меня ощущение как раз обратное. Я считаю, что у нас слишком много педагогики. Почему? Потому что все время от меня требуют каких-то методических пособий. Как будто кто-то по определенной методике получал значимый результат. Может быть, я не прав, но у меня это ощущение присутствует. Спасибо.

Н.И. Кузнецова: Я хочу напомнить, что не было худших в методическом смысле лекций, чем лекции Колмогорова или лекции Ландау. Они были ужасны! Колмогоров что-то мямлил, стирал рукавом мел с доски, а Ландау говорил ужасно быстро, свертками, и записать его лекцию было невозможно. Но мехмат и физфак носили их на руках. Есть что-то такое, что методические указания могут убить, когда нужно передать дух науки. Университеты славны своими профессорами. Я видела Кнорозова (он расшифровал письма майя), который стоял возле доски, повернувшись спиной к аудитории, и на какой-то вопрос отвечал, пожимая плечами: «А, черт его знает!» Вот это вдыхает жизнь в университеты, и это надо беречь. Нам же все время «спускают» что-то новое. Я каждый раз смотрю, как сегодня называется мой учебный предмет.

В.М. Жураковский: Что Вы такое говорите? Как у Вас могут требовать каждый год новый курс? Зачем? В магистратуре 70% курсов – это полная свобода.

Н.И. Кузнецова: Василий Максимилианович, вот обратитесь в РГГУ и спросите: зачем? И в других вузах тоже так. Предоставим слово известному социологу, профессору *Галине Георгиевне Силласте*, представителю Финансового университета при Правительстве РФ. Может быть, мы услышим что-нибудь утешительное.

Г.Г. Силласте: Буду исходить из двух важных посылок. При всей традиционной социальной критичности социологии не вижу в современной вузовской реформе только черноту. Опираясь на опыт реализации различных «болонских инноваций» в нашем Финансовом университете, выделю некоторые крупинки позитива, которые позволяют отметить не только потери, но и некоторые приобретения в ходе, на мой взгляд, в целом тупиковых реформ высшей школы. Сделаю это в форме нескольких «размышлизмов» на заданную тему.

Первый: «Университеты – шаг вперед, но два назад». 1982 год, Париж, Лувр. Прихожу на выставку. В конце центральной выставочной галереи вижу огромное яркое красно-черное панно с изображением импозантного решительного молодого человека с красным стягом, на котором крупными буквами по-французски написано: «Назад, к победе капитализма!». На дворе 1983 год. Мне казалось тогда это абсурдом, нонсенсом! Теперь же, 30 лет спустя, могу лишь констатировать: Россия приняла эту «художественную эстафету» не понарошку (как сказали бы дети), а вполне серьезно, и свидетельством тому является все то, что происходит в стране. Россия, не считаясь со своими национальными традициями и историческим опытом, на всех парах мчится «назад, к победе капитализма», пытаюсь заставить и нас, вузовское сообщество, отказаться от отечественных традиций и

принять западные стандарты в качестве единственно достойных. Сегодня реформа захватила высшую школу, закольцевав таким образом все ранее начатые реформы: экономические, финансовые, социальные, культурные, политические. Не могу не признать последовательности наступления: приведена в ускоренный режим так называемая модернизация высшей школы.

Напрашивается простой, но жесткий вывод. Если мы идем по пути возрождения капиталистических отношений, то система образования меняет свою природу как базовая культурная и социальная ценность. Теперь это сегмент общего российского рынка, это рынок образовательных услуг. И все, что мы делаем, наши целевые установки в сфере высшего образования придется корректировать с учетом того, какая это услуга, кто и сколько за эту услугу платит.

Размышление второе: «Долой монополию! Да здравствует университетский плюрализм!» В системе высшего образования подорван абсолютный авторитет классического университета. Сегодня этот класс университетов существует и развивается в условиях прямой конкуренции в вузовском сообществе, борьбы вузов за студентов, в условиях появления новой когорты университетов. Возникли три категории университетов: классический, профильный, коммерческий (частный). Остановлюсь на профильном, обратившись к опыту Финансового университета при Правительстве РФ. Мы приобрели статус университета несколько лет назад и находимся в фарватере реформирования. Перешли целиком на бакалавриат, 13 лет функционирует магистратура, сильно меняющаяся последние год-два. Выступили инициатором всероссийской олимпиады «Магия магистратуры. Соедини науку и практику» — это совместная акция университета с «Российской газетой». Открыли свыше 40 новых магистерских программ. Кафедры социологии, политологии, права, информационных технологий стали выпускающими. Провели два набора в бакалавриат по со-

циологии на профиль «Экономическая социология», на магистерскую программу того же профиля. Короче — «вуз на марше».

Можно ли было что-то сохранить из прошлого, отстоять традиционное? Констатирую с горечью: никто и никогда не поступался национальными интересами так, как Россия. Где-то глубоко на уровне подсознания лежит вековая привычка российской интеллигенции — подражать Западу. Мы каждый раз минимум трижды наступаем на одни и те же грабли. Вначале принимаем все и сразу: trimestры, скверный дуэт «бак+маг», тестирование. Кажется, новую одежду натянули на себя сразу без всяких примерок. Осталось лишь скопировать опыт свободного посещения занятий студентами... Вместе с тем одно обстоятельство позволяет мне достаточно оптимистично смотреть на этот процесс. В истории России никогда не случилось, чтобы реформа проводилась «один к одному» — так, как она была изначально реализована на Западе. Начинает Россия лихо, но в конечном счете вносит так много поправок, что от западного оригинала мало что остается, и на выходе оказывается российский гибрид. Убеждена, что через три-четыре года, когда пойдут выпус-

ки «баков», жизнь заставит откорректировать то, что на сегодня вузовской (прежде всего, министерской) бюрократии кажется обязательным.

Один пример – *введение триместров*. Не скрою: я категорически против этой системы. Однако наш университет, как и многие другие, ввел эту сомнительную новацию. Магистры – по триместрам, «баки» – туда же. Прошло полгода. Ректор предложил нам провести экспресс-опрос для выяснения отношения преподавателей и студентов к нововведению. Я благодарна ректору за эту идею, потому что когда начали разрабатывать социологический инструментальный опрос, стало очевидно, что из 25 позиций еле-еле находятся три-четыре позитивные, которые можно отразить в альтернативах ответа на вопрос анкеты. Например, можно три раза уйти в отпуск, впадая в «каникулярное состояние», фактически отказаться от зачетов (впрочем, это вряд ли можно считать плюсом). Когда прошел предварительный зондаж позиций ППС, ректором было принято решение о возврате к семестровой системе организации учебного процесса. Есть коррекция? Есть. Зависит она от нас? Безусловно. Кто заставляет вуз поголовно вводить триместр? Элементарное чувство реальности вернуло нас к прежней системе.

И последнее – о смене поколений в преподавательском сообществе. Сейчас идет очень сложный процесс смены поколений профессорско-преподавательского состава высшей школы. Можно выделить две тревожные тенденции. Одна из них демографическая, связанная со старением ППС и уходом из активной жизни профессуры советской генерации. Это не сегодняшняя «соломенная» профессура, когда кандидатов наук много, а статусных профессоров – докторов наук найти трудно. Речь идет о классической профессуре, о поколении 60–70-летних. Окончательная смена состава ППС произойдет лет через пять–восемь. Кто идет на смену высокопрофессиональным и самоотверженным Учителям?

Исследования показывают, что приходят молодые, мобильные, непрофессиональные и очень сильно монетарно ориентированные менеджеры – в полном смысле этого слова. Отсюда появляются понятия «бизнес-инкубатор», «бизнес-программы» – неважно, гуманитарная у вас кафедра или финансово-экономическая. Мне думается, что самая большая проблема состоит в том, чтобы передать молодым преподавателям высокий уровень педагогических компетенций, навыков работы с аудиторией. Считаю, что создание научной и методической школы, передача методического опыта профессуры – это задача номер один.

Еще одно соображение касается *социальных рисков образования*. Они связаны, во-первых, с утратой методики преподавания, во-вторых, с технизацией процесса обучения (тестированием) и с введением бакалавриата. Мы в 2010 г. завершили огромный исторический этап советской системы высшего образования – специалитет, и в 2014 г. выйдет последний ее выпускник. Останутся бакалавриат и магистратура. Сегодня в бакалавриат поступает совсем другой контингент, между прочим, в чем-то интереснее предыдущего. Сами школы сейчас переориентировались в основном на подготовку к ЕГЭ, теряя на натаскивании последний год обучения. К нам начинает приходиться совершенно новое студенчество.

Я сделала лишь некоторые наброски – как бисер по полу. Они собираются в рисунок. Безусловно, тот процесс, который сейчас идет на уровне глубинного реформирования высшей школы, должен быть «отредактирован» каждым вузом: мы не должны делать все одинаково, по одному шаблону.

В.Н. Порус: Маленькая дополнительная ложка дегтя в нашу бездонную бочку меда. Здесь было несколько совершенно справедливых замечаний, высказанных в адрес системы «баков» и «магов», а я скажу, что многих студентов, которые приходят именно как «баки», терпеть еще до-

полнительно полтора года в специалитете не имеет просто никакого смысла! Приходит с каждым годом все более безграмотный, все менее профессионально мотивированный абитуриент. Приходит для того, чтобы на четыре или на шесть лет – как получится – продлить период блаженного иждивенчества. Исключения бывают, но, как говорится, только подтверждают этот печальный тезис. Поэтому сокращение до четырех лет сроков обязательного высшего образования имеет, несомненно, негативные стороны, но, обратите внимание, за всем этим стоит паскудная действительность. Ведь колоссальное (не буду брать греха на душу и приводить точные цифры, они будут разные у разных специальностей) количество выпускников, будь то бакалавры или магистры, не работают по специальности. Поэтому мои профессорские требования выработать профессиональные навыки за четыре года или за шесть лет выглядят, извините меня, просто как мой каприз (чтобы не сказать – глупость), потому что эти требования никак не соотносятся с перспективами индивидуальной жизни студентов. Значит, наша система пропадает совсем не только из-за того, что у нее плохие методологические установки, из-за того, что какие-то вредители разделили студентов на «магов» и «баков», или из-за того, что вузы плохо финансируются. Болезнь гнездится гораздо глубже. Она в утрате культурных корней, которыми питалась университетская идея. Какая разница – четыре, пять, да хотя бы и восемь лет учить человека, если он не хочет, не будет и даже не имеет возможности работать по специальности!

Н.И. Кузнецова: Спасибо. Слово предоставляется профессору *Гарольду Ефимовичу Зборовскому*, нашему гостю из Екатеринбурга, Гуманитарный университет.

Г.Е. Зборовский: Я хотел бы начать с высказанного Владимиром Натановичем суждения. Я социолог, декан социологи-

ческого факультета. Получилось так, что я сейчас работаю в трех университетах: Уральском федеральном университете, который претендует на то, чтобы стать элитным вузом, региональном университете на Севере и в негосударственном университете. Это очень важно с точки зрения проведения исследований. У меня есть возможность сравнить студентов, преподавателей. И повторю, что сейчас я отталкиваюсь от того суждения, которое высказано в отношении студентов, которые к нам приходят. Мы изучали мотивацию студентов на учебу и на образование. Это вещи, как оказалось, абсолютно разные. Действительно, приходят, чтобы получить определенный уровень университетского образования, но реально учиться хотят далеко не все, и, что самое интересное, во всех трех университетах проценты практически совпадают или различаются несущественно. По нашим данным, только 10–15% студентов мотивированы на учебу, и каждый преподаватель по своему опыту это знает. В обычной группе из 25 студентов сколько человек, которые действительно хотят учиться и учатся? Три – пять человек. Все остальные весело проводят время, имитируют учебу

и т.д. и т.п. Это реальные процессы, с которыми мы сегодня сталкиваемся. Теперь давайте посмотрим поглубже. Мы сегодня говорим о попытках изменить университет или наше видение университета в будущем, но давайте применим институциональный подход к системе образования целостно, в единстве всех ее элементов. Давайте посмотрим на систему высшего образования с точки зрения того, откуда к нам приходят студенты. Это же вчерашние ученики, которые не были мотивированы на учебу в школе. Школа не ориентирует сегодня на учебу. Вот где корень! И решать эти проблемы надо в единстве, а мы их разрываем, поэтому говорим только о верхнем слое, видим только студентов. И я думаю, что это достаточно серьезная проблема.

Хотел бы поднять еще один вопрос – его сегодня тоже затрагивали – о научно-педагогической аттестации, о подготовке кадров. Сегодня недобрым словом в очередной раз поминали ВАК. Наш совет уже вкусил прелести видеокamеры, необходимой при защите, мы расцениваем это как оскорбительное недоверие к профессорскому корпусу. У нас в марте будет очередной совет, где будут защищаться две докторские диссертации, и мы будем писать очень серьез-

ное письмо в ВАК. Я призываю всех коллег объединиться по поводу этого новшества. Мы уже посмотрели, как все это работает, и это, конечно, просто кошмарно. Те, кто уже был под этой камерой, смогли почувствовать: ощущение не из приятных.

Хочу сказать, что ВАК начинает не с того и продолжает не тем. Я хочу высказать идею, которая, возможно, вызовет протест, но я все-таки хочу ее сформулировать. Если мы хотим ужесточить требования к подготовке кадров высшей квалификации, то, я думаю, нам надо в корне изменить систему аттестации, которая связана с оппонированием и с назначением ведущих организаций. Мы все прекрасно знаем, как это бывает, когда научные руководители и консультанты звонят приятелям и просят их прооппонировать. Мое предложение следующее: у ВАКа должен быть перечень специалистов по каждому направлению исследований и ведущих учреждений соответственно, и если ВАК действительно хочет контролировать уровень и качество подготовки специалистов, пусть оппонентов назначает сам. Я думаю, таким образом можно что-то сделать с целью улучшения системы аттестации.

Продолжение следует.

Уважаемые коллеги!

*От имени Департамента средств массовой информации
и рекламы города Москвы
сердечно поздравляю Вас
с 20 -летием журнала «Высшее образование в России»!
Все эти годы вы выполняете ответственную роль посредника
в диалоге представителей образовательного сообщества,
выступая при этом за академически взвешенный
и строго научный анализ современных процессов в образовании.*

*Общекультурная миссия журнала состоит в том,
чтобы наращивать*

*и аккумулировать интеллектуальные
и духовные ресурсы вузовского сообщества
для решения задач модернизации российского образования.*

*Статьи авторов вашего издания призваны поднять
профессиональную планку достижений высшей школы.*

*Из номера в номер журнал осваивает качественно новые рубежи,
последовательно ведет научный анализ актуальных процессов
в системе отечественного образования.*

*Открытость журнала для вузовской и научной интеллигенции,
для читательской аудитории*

*позволяет создать целостное представление
о современных проблемах преподавания наук.*

*А ведь от этого, по большому счету,
зависит приращение интеллектуального, технологического,
культурного потенциала нашей страны.*

*Благодаря публикациям журнала мы уже сегодня имеем
чудесную возможность заглянуть в будущее.*

*А именно нынешним студентам и аспирантам высшей школы
совсем скоро предстоит, придя на смену
представителям старших поколений,
наращивать духовный и интеллектуальный потенциал страны,
приумножать славу России в науке и искусстве,
литературе и журналистике.*

*Руководитель Департамента
СМИ и рекламы города Москвы*

В.В. Черников

ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ!

Журналу «Высшее образование в России» исполнилось 20 лет. Срок сам по себе немаленький. Но если вспомнить, что вы начинали в лихие девяностые, когда рушилось все что можно, когда наука, образование, научная журналистика стояли на краю пропасти. И дело не только в том, что на эти цели практически не выделялось средств. Отсутствовало главное: сколько-нибудь внятная политика в области отечественного образования, квалифицированные авторы, заинтересованные читатели, которые вынуждены были бороться за выживание.

В этот труднейший момент журнал не только выстоял, но постепенно и неуклонно стал наращивать мускулатуру, формировать свой квалифицированный авторский корпус, разностороннюю, заинтересованную читательскую аудиторию. И что самое главное, за сравнительно короткое время журнал стал одним из важных институтов организации и развития высшего образования в стране, координатором проводимых в этой области исследований, уникальным источником информации, площадкой для открытого и широкого обсуждения наиболее острых и актуальных проблем образования, его содержания и методик, подготовки кадров.

Сегодня журнал – издание, которое пользуется безусловным авторитетом не только в профессиональной среде но и у интеллектуалов, работающих в самых разных областях.

Поздравляем вас с юбилеем! Желаем дальнейших творческих успехов!

Не сомневаемся, что вы по-прежнему будете высоко держать планку инновационного, интересного, глубокого и широко востребованного издания.

Редакционная коллегия и коллектив

журнала «Человек»

Handwritten signatures of the editorial board and staff of the journal 'Человек'. The signatures are arranged in two rows. The top row includes signatures for Бюджин, М. Мангу, and another signature. The bottom row includes signatures for Негар, Малакеев, Осип, and another signature.